

— На колени? — Чжао-гэр отступил на несколько шагов, и на его губах заиграла едва заметная горькая усмешка. — И что, если ты упадешь в ноги, я сразу должен согласиться? Когда я сам стоял на коленях перед твоими родителями, когда разбивал лоб в кровь, умоляя их о пощаде — они хоть раз ответили мне согласием? А теперь ты хочешь встать на колени передо мной... Ма Вэнь, тебе не кажется это злой иронией?

Ма Вэнь, до этого прятавший взгляд, резко вскинул голову и уставился на него:

— Я...

— Ты и слова тогда не замолвил в мою защиту, — беспощадно перебил его Чжао-гэр.

— Прости... мне жаль, — спина Ма Вэня, еще мгновение назад прямая, под тяжестью этих обвинений ссутулилась еще сильнее.

Он тяжело перевел дыхание, словно собираясь с силами для последнего вопроса:

— Но что... что ты в нем нашел? Чем я хуже него?

Фан Цзычэнь, не считая смазливой улыбки, был гол как сокол: ни гроша за душой, ни клочка собственной земли в деревне, да и крышу над головой ему милостиво предоставил староста деревни. В деревне многие вовсю чесали языками, причитая, что бедняга Чжао-гэр лишь сменил одну огненную яму на другую, и судьба его — сплошная горечь.

Чжао-гэр крепко сжал кулаки. Гнев, холодный и колючий, отразился на его лице:

— Ты во всем хуже. Когда меня обижают или притесняют, он не стоит в стороне, безучастно наблюдая, как это делал ты. Он заступает за меня. Он не смотрит на меня свысока и не считает, что я ему чем-то обязан, а потому не позволяет себе помыкать мною. Он совсем не такой, как ты.

Ма Вэнь долго молчал, и лицо его становилось всё мрачнее. Наконец он глухо произнес:

— Тогда не вини меня.

***

— Ой-ой, а Ма Вэнь-то, оказывается, тот еще страдалец, — вполголоса прошептал Хэ Эргоу, наблюдая из-за кустов. — По мне, так у него с головой не всё ладно. Чжао-гэр, конечно, хорош

собой, но он уже столько времени живет с Фан Цзычэнем... Ясно же, что они там не просто в бирюльки играли. Будь я на его месте, в жизнь бы такую не взял. С его-то деньгами можно найти девицу — нежную, ароматную. Чем не лучше гэра? А он тут на колени падает... Тьфу, позорище, достоинство растерял.

Лю-паршивец, у которого до сих пор всё ныло при одном упоминании Фан Цзычэня, энтузиазма товарища не разделял:

— Заткнулся бы ты. Если Фан Цзычэнь прознает — костей в лечебнице не соберешь. Не говори потом, что я тебя не...

Слово «предупреждал» застряло у него в горле, когда Хэ Эргоу издал испуганный вскрик.

— Вот же ж... — пальцы Эргоу мелко задрожали.

Лю-паршивец проследил за его взглядом. Ма Вэнь стоял, прижимая руку к окровавленному предплечью; лицо его было блее полотна, а между пальцев на землю густо капала алая кровь.

Чжао-гэр застыл напротив с ледяным взором, сжимая в руках серп, лезвие которого было запачкано красным. Лю-паршивец пропустил само начало стычки, но Хэ Эргоу видел всё:

— Этот идиот Ма Вэнь... он попытался затащить Чжао-гэра в заросли, ну тот его и полоснул.

Ударил мгновенно, ни секунды не колеблясь.

Обычно мужчины любят риск и азарт, бросая вызов невозможному. Раньше Хэ Эргоу казалось, что Чжао-гэр с его огромными глазами выглядит чертовски задорно, когда злится. Стоило гэру метнуть в него гневный взгляд, как в груди у Эргоу становилось жарко. Сейчас же жар куда-то испарился, зато ноги стали ватными.

Он вспомнил, как когда-то, завидев возвращавшегося с поля Чжао-гэра, преградил ему путь, пытаясь приударить. Тот тогда до белизны в костяшках сжимал рукоять мотыги. Тогда Эргоу подумал, что парень просто напуган и ищет в инструменте опоры. Теперь же, воочию узрев эту кровавую сцену, он понял: если бы он тогда перешел от слов к делу, эта мотыга наверняка размозжила бы ему череп.

«Батюшки светы...»

Чем больше он об этом думал, тем сильнее становился страх. Теперь ему было уже не до зрелищ.

— Уходим... скорее!

Когда то, что ты жаждешь получить, слишком долго остается недоступным, желание превращается в болезненную одержимость. В душе Ма Вэня что-то надломилось. Если мольбы не действуют — остается только сила. То, что он не может получить, должно быть разрушено. Эта злоба накатила внезапно, и совладать с ней было невозможно.

Взгляд Чжао-гэра оставался ледяным:

— Твои родители, твои дядья... вся семья Ма — одного поля ягоды. Раньше говорили: «каков корень, таков и плод», я не верил, но теперь вижу — ты и впрямь их достойное порождение.

***

Чжао-гэр вернулся домой с полной корзиной побегов. Немного передохнув, он встретил Чжоу-гэра, который привел Гуай-цзя.

— Зачем же так много набрал? — удивился Чжоу-гэр. — Неужели дома овощи кончились?

— Нет, просто мой муж очень их любит. — Заметив в руках друга корзинку с чесночными стрелками и капустой, юноша спросил: — Ты только что с поля?

— Ага! Только к дому подошли, как Гуай-цзяй запросился обратно. Решил вот по пути тебе гостинцев занести. — Чжоу-гэр замялся, не зная, как подступиться к важному разговору, и хозяин дома сам пришел ему на помощь: — Что-то случилось?

Всё же они дружили много лет. Гость решился:

— Гуай-цзяй обмолвился... твой ханьцзы учит вас грамоте?

Чжао-гэр улыбнулся, сразу всё поняв:

— Угу. Пусть Лю-лю приходит, когда будет время. Послушный малыш делает успехи, они каждый день занимаются по часу, так что Лю-лю может учиться вместе с ним.

Лицо Чжоу-гэра так и просияло. Он не ждал, что сын станет ученым мужем вроде Фан Цзычэня, но если тот выучит хоть несколько иероглифов, то не повторит их судьбу — не будет всю жизнь гнуть спину в поле, оставаясь при этом голодным.

Гуай-цзяо не сиделось на месте, и он решил накопать червей. Утром куры в семье Чжоу наелись от пуза, а здешние несучки наверняка были голодны. Мальчик не стал убегать далеко: вооружившись палочкой, он устроился на меже прямо напротив ворот.

Рядом стояла маленькая бамбуковая трубка, заботливо приготовленная для него отцом. Спустя некоторое время старательного копания трубка заполнилась почти наполовину: почва здесь была жирная и рыхлая, а черви попадались просто огромные.

Фан Цзычэнь еще издали завидел сына, который, задрав зад, усердно копался в земле, словно дворцовый пес, роющий нору. Одна особенно жирная особь показала голову и уже собиралась нырнуть обратно, но Гуай-цзай ловко перехватил её.

Мужчина подошел ближе:

— Гуай-цзай!

— Отец! — Малыш, словно выпущенная ракета, бросился к нему. Фан Цзычэнь присел, подхватывая сына: — Чем это ты занят?

— Копаю червячков, покормить курочек, — гордо ответил Гуай-цзай, всё еще сжимая в кулачке того самого жирного червяка.

— Что-что?

Малыш приподнял руку, демонстрируя добычу.

Отец улыбнулся было, но, присмотревшись, вмиг застыл. Улыбка сползла с его лица, а в животе всё сжалось — он едва не лишился чувств от ужаса.

Червяк в воздухе извивался, то растягиваясь, то сжимаясь; влажный, скользкий и липкий, он слепо тыкался в разные стороны. У Фан Цзычэня волосы на затылке встали дыбом, а в голове на миг помутилось.

Он попятился, дрожащим голосом выдавливая:

— Выброси... немедленно выброси это! Скорее!

Гуай-цзай захлопал глазками: то посмотрит на отца, то на червяка. После нескольких таких кругов он, кажется, что-то сообразил.

На его лице расплылась лукавая улыбка:

— Червячный воин, трансформация! Червячный Ультрамен идет сражаться с монстром!

Чжао-гэр сидел во дворе, чистя побеги, когда мимо него пронесся черный вихрь, а затем дверь

дома с грохотом захлопнулась. Он оторопел. В ту же секунду к дверям подбежал Гуай-цзай, размахивая своей добычей.

— Червячный Ультрамен здесь! Монстр, тебе не скрыться!

Он подбежал к порогу и затарабанил по двери кулачком:

— Монстр, открывай скорее!

Фан Цзычэнь, словно несправедливо осужденный, вцепился в оконную решетку и взмолился:

— Выброси его, прошу!

Гуай-цзай устроился под окном:

— Отец, открывай.

— И не подумаю! — Фан Цзычэнь сверкнул глазами, едва не скрежеща зубами от досады. — Живо выброси эту гадость!

Гуай-цзай надул губки:

— Но Червячный Ультрамен еще не победил монстра.

— Нет никакого Червячного Ультрамена! Есть только Дига и Зеро!

Малыш легонько сжал червяка:

— Он только что превратился. Теперь он — Червячный Ультрамен. И он должен победить монстра!

Чжао-гэр наконец понял, в чем дело, и прыснул со смеху. Фан Цзычэнь обиженно зыркнул на него:

— Тебе весело? Гляди, сын мне на голову сел!

Его супруг лишь продолжал смеяться, и в его глазах не было ни капли сочувствия. Поделом ему! Обычно глава семьи сам любил прикидываться монстром, завывая на весь двор, или изображал зомби: кривил шею, подворачивал руки и с дикими воплями гонялся за сыном. Теперь малыш взял реванш, и делал это с упоением!

Фан Цзычэнь попытался схитрить:

— Сегодня монстров нет. Есть только нечисть, и в твоих руках — Червячный Оборотень!

— Ой! — Гуай-цзай склонил голову набок. — И что же делать?

Ультрамены ведь сражаются с монстрами, а против оборотней они бессильны. Фан Цзычэнь, боясь даже взглянуть на сына, поспешно перевел взгляд на Чжао-гэра и подсказал:

— Иди к Небесной Курице! Червячные оборотни больше всего боятся Небесных Куриц.

Гуай-цзай еще колебался, но папа легонько шлепнул его:

— Иди-иди, хватит озорничать. Поможешь мне потом развести огонь, а я поджарю тебе мяса.

Против мяса аргументов не нашлось. Малыш кивнул:

— Хорошо!

Мужчина с облегчением выдохнул. Его супруг и представить не мог, что этот сильный человек до смерти боится подобных тварей.

— Можешь выходить.

Фан Цзычэнь, опираясь о стену, выбрался наружу и обессиленно опустился на ступеньку:

— Матушка родная, у меня аж ноги подкашиваются.

— Неужели так страшно? — Чжао-гэр присел рядом и принялся разминать ему ноги. — Он же не кусается.

Гэр всю жизнь работал на земле, и для него в этом не было ничего особенного. Почувствовав приятное тепло в мышцах, Фан Цзычэнь немного пришел в себя:

— Пусть не кусается, но я просто не выношу эту дрянь. Вид этих скользких тварей вызывает у меня тошноту.

Услышав шум на заднем дворе, он добавил:

— Больше не корми кур этой гадостью, а то я потом и яиц в рот не возьму.

Чжао-гэр усмехнулся:

— Но в прошлый раз ты ел и нахваливал, говорил, как вкусно.

С тех пор как староста деревни подарил им эту курицу, Гуай-цзай исправно снабжал её червями, и птица заметно округлилась.

— ...

Неужели он так быстро попался на слове? Пытаясь сохранить лицо, он пробормотал:

— Когда это я такое говорил? Ты наверняка что-то путаешь.

— И не надейся отвертеться, — поддразнил его муж. — Ты ведь у нас Фан Цзычэнь, а не Фан-паршивец.

— ...

Что за день такой? Сначала сын, теперь супруг — все так и норовят на нем потоптаться. Где же уважение к главе семьи?

Побеги еще не были очищены, к тому же их нельзя было есть сразу — нужно было сначала отварить и вымочить в воде, чтобы ушла горечь. Фан Цзычэнь, который мог есть это блюдо днями напролет, немного расстроился:

— И что же у нас тогда на ужин?

— Чжоу-гэр принес овощей, — ответил Чжао-гэр.

Жизнь в деревне имела свои сложности: в летний зной продукты портились мгновенно. Вчера Фан Цзычэнь принес из города цзинь свиной грудинки; Чжао-гэр половину сразу пустил в дело, а остальное обжарил до полуготовности и залил жиром в горшке — так мясо могло храниться долго.